

КАХО НАСИКИ

Ведьма Запада Мертва

перевод Анастасии Хайретдиновой

роман

МИО

МИФ Проза

Кахо Насики

Ведьма Запада мертва

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2017

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)6-44

Насики К.

Ведьма Запада мертва / К. Насики — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2017 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-281005-5

В один миг для юной Май мир становится слишком сложным. В школе одни проблемы, родители не понимают, дружба не клеится. Все меняет поездка в деревню к бабушке – доброй и загадочной женщине, которую в семье называют Ведьмой Запада. Вдали от привычной жизни, среди гор и лесов, Май ждет лето, полное неторопливых дней, тишины, запаха цветов и маленьких ежедневных чудес. Здесь ей предстоит пройти свое первое ведьмовское испытание, только магия таится не в заклинаниях, а в гораздо более трудном искусстве – слушать себя, принимать решения и нести за них ответственность. В книгу также входят рассказы «История Блэки», «Зимний полдень», «Веточки в очаге».

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)6-44

ISBN 978-5-00-281005-5

© Насики К., 2017
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2017

Содержание

Ведьма Запада мертва	7
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Кахо Насики Ведьма Запада мертва

Original title:

西の魔女が死んだ: 梨木香歩作品集

NISHI NO MAJO GA SHINDA: NASHIKI KAHO SAKUHINSHU

Kaho Nashiki

На русском языке публикуется впервые

Книга не пропагандирует употребление алкоголя и табака. Употребление алкоголя и табака вредит вашему здоровью.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Original title: "NISHI NO MAJO GA SHINDA – Nashiki Kaho Sakuhinshu" by Kaho NASHIKI

© Kaho NASHIKI 2017

Russian translation rights arranged with SHINCHOSHA Publishing Co., Ltd., through Bureau des Copyrights Français, Tokyo.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «МИФ», 2026

* * *

Ведьма Запада мертва

Ведьма Запада умерла. Это случилось перед началом четвертого урока – по естествознанию. Меня позвала сотрудница школьной администрации и сказала, что скоро приедет мама, поэтому нужно собрать вещи и ждать у главных ворот школы.

Что-то случилось.

Когда скучная, расписанная по минутам жизнь вдруг резко превращается в драму, возникает странное ощущение тревоги, смешанной с ожиданием. Наверное, именно так я тогда себя и чувствовала. Я собрала вещи и ждала маму у ворот школы. Вскоре она подъехала на своем темно-зеленом «Мини».

У мамы – наполовину англичанки, наполовину японки – глаза и волосы были черные, но как будто более мягкого, теплого оттенка. Я люблю мамины глаза. Только сегодня они выглядели безжизненными и усталыми. Лицо тоже было бледным. Мама остановила машину и жестом позвала меня садиться. Я нервничала, поэтому быстро забралась внутрь и закрыла дверь. Автомобиль сразу тронулся.

– Что случилось? – осторожно спросила я.

Мама глубоко вдохнула:

– Ведьма потеряла сознание. Похоже, всё.

В этот момент из моего мира исчезли все звуки и краски. Мне казалось: единственное, что я слышу, – это как где-то глубоко внутри меня гудит кровь. Через некоторое время звуки и цвета начали возвращаться. Но они уже были не такими, как раньше.

Мой мир больше никогда не был таким, как раньше.

– Она еще...

«...жива?» – хотела спросить я, но вдруг замолчала.

Я выдохнула и продолжила:

– ...может говорить?

Мама покачала головой:

– Мне позвонили. Похоже, это был сердечный приступ. Когда ее нашли, она уже лежала без пульса. В больнице, кажется, хотели сделать вскрытие, но она ведь из тех, кто против такого, поэтому я отказала.

Да, она из тех.

Я откинула спинку сиденья и закрыла глаза, уткнувшись в предплечье.

Тело казалось страшно тяжелым. Это был шок. Скорее шок, чем грусть.

Теперь нам предстояло шесть часов пути. Час до скоростной дороги, четыре часа – по ней и еще час после съезда.

Преодолеть такое расстояние на «Мини» было особенно тяжело. Эта машина будто не ехала, а ползла, измеряя дорогу всем своим телом.

Я убрала руку от лица и уткнулась в лобовое стекло.

Тут и там на нем начали появляться редкие капли дождя. Но мама не включала дворники. Вчера по телевизору объявили о начале сезона дождей.

Нет, не по телевизору – метеослужба объявила. Дождь постепенно усиливался, а пейзаж за окном становилось все труднее разглядеть, но мама этого как будто не замечала. Я украдкой на нее взглянула. Она плакала. Беззвучно. Слезы текли по ее лицу и капали. Мама всегда так плачет. Я уже видела это раньше.

– Дворники, – тихо сказала я.

Секунду мама выглядела растерянной.

Наверное, сначала она заметила свои слезы и только потом – внешний мир.

– А... дождь пошел? – произнесла она спустя мгновение и включила дворники.

Капли исчезли со стекла, и за окном стали по очереди появляться и исчезать молодые листья платанов, растущих вдоль улицы. Я смотрела на них и вдруг подумала, что распускание платанов напоминает какой-то взрыв.

Достав из кармана платок, я протянула его маме.

– Спасибо, – машинально ответила она и, сжав руль одной рукой, свободной вытерла слезы.

Мне казалось, будто тело становится все тяжелее и тяжелее – словно я медленно тону.

И вдруг воспоминания о том, как два года назад, примерно в это же время, когда весна уже переходила в начало лета, я провела больше месяца у бабушки, с огромной силой потянули меня назад. Я почувствовала, будто снова оказалась в тех комнатах.

Запах сада, лучи света, прикосновение ветра – все это возвращалось так ярко, словно поднималось откуда-то из самой глубины.

Помню, как раз тогда мама с серьезным видом призналась мне:

– Да, твоя бабушка – настоящая ведьма.

И с тех пор между собой мы всегда звали бабушку Ведьмой Запада.

Два года назад, в мае, я окончила начальную школу и только поступила в среднюю. Все началось, как обычно, с астмы, которая каждый год обострялась на фоне смены сезонов. Но даже когда приступы прекратились, я не могла заставить себя пойти в школу. Стоило только подумать об этом месте, как мне начинало не хватать воздуха. Мама не знала, что делать, но вела себя мудро. Она не тратила силы на уговоры, попытки меня вразумить, ссоры. Однажды мама как бы между делом намекнула, что, может быть, мне пора уже вернуться в школу, но я посмотрела ей прямо в глаза и решительно сказала:

– Я больше в школу не пойду. Это место не причиняет мне ничего, кроме боли.

Мама не стала спорить. Она поняла, что если я так настаиваю, значит, дело действительно серьезное.

– Понимаю. Тогда давай пока немного отдохнем от школы. С начала занятий еще и месяца не прошло. Не стоит принимать поспешных решений. Наверное, ты не полностью оправилась. Через пару недель, может, к тебе и силы вернутся.

Странно, что мама не спросила, почему учеба причиняет мне только боль. Наверное, ей было страшно услышать ответ. Мама была наполовину иностранкой, и, возможно, поэтому ей самой так и не удалось почувствовать себя в классе своей. И тогда, и сейчас в наших местах

не было ничего похожего на международные школы. Вероятно, ей просто не хотелось снова переживать школьную жизнь через мои рассказы.

И все же я подумала: мама ведь окончила школу и даже университет в Японии. Впечатляет. А я уже в средней школе зашла в тупик.

В тот вечер мама позвонила папе, который по работе жил в другом городе. Я уже лежала в постели, но, превратившись в одно большое ухо, замерла и старалась поймать каждое слово.

– Да... приступов астмы уже нет, но она говорит, что не пойдет в школу... Да... Но, если слишком давить, получится только хуже... Почему не хочет идти? Даже не знаю... Она же у нас такая чувствительная... Наверное, ее что-то сильно задело... Она в этом плане трудный ребенок... Тяжело ей в жизни придется, конечно... В общем, я думаю отвезти ее на время в деревню к маме. Там хороший воздух, с ее астмой ей будет полезно... Я, конечно, слышала, что дети, бывает, отказываются ходить в школу, но никогда не думала, что это случится с нашим ребенком... Вот что называется «гром среди ясного неба»... Нет, я пока не хочу делать окончательных выводов... Конечно... Но ведь она всегда была отличницей... Кто бы мог подумать...

Потом мама стала спрашивать папу о работе, но мне это уже было совсем не интересно. Мама больше не могла мной гордиться. Это осознание было самым тяжелым и самым печальным. Мне хотелось сорвать одеяло и броситься к ней со словами: «Прости меня, мама». Но где-то глубоко внутри тяжелым камнем лежали ее слова: «трудный ребенок», «тяжело ей в жизни придется».

И я знала, что это правда.

– Придется смириться, – тихо пробормотала я.

Я впервые произнесла эти слова. Мне даже показалось, что в этот момент я немного повзрослела.

– С этим придется смириться, – повторила я еще раз.

И я вдруг ощутила, что теперь эти слова уже по-настоящему мои.

Я решила, что по сравнению со школой быть «трудным ребенком» еще терпимо. Да и потом, мама ведь сказала, что отвезет меня на время к бабушке в деревню. Я с детства обожаю бабушку. К слову, я не упускала случая сказать ей об этом. Но вот сказать маме с папой что-либо подобное мне было стыдно. Возможно, причина, по которой я могла позволить себе так прямо выражать свои чувства при бабушке, была в том, что она иностранка. В такие моменты откровений она всегда улыбалась и отвечала: «I know» – то есть «Я знаю». Этот маленький повторяющийся разговор был похож на наш тайный пароль.

У меня поднималось настроение от одной только мысли, что я смогу жить с бабушкой. И все же вместе с радостью приходило и легкое беспокойство. «Жить вместе» – это ведь совсем не то же самое, что «приезжать в гости». Если бабушка узнает меня целиком, такую, какая я есть, – не разочаруется ли она во мне так же, как разочаровалась мама? И сама бабушка тоже казалась мне немного загадочной – будто в ней было что-то непостижимое. Иногда это даже немного пугало. Но, наверное, именно поэтому меня к ней так тянуло.

В следующее воскресенье мама повезла меня на машине к бабушке. В то время мы с мамой жили примерно в часе езды от ее дома. В дорожную сумку и картонную коробку я положила школьные учебники, тетради, одежду, мангу, книги, зубную щетку и даже свою кружку.

– Уж чайные кружки у бабушки дома точно есть, – с легким удивлением сказала мама.

Но эта кружка была для меня особенной. Когда она была рядом, вокруг будто появлялось небольшое пространство, которое было только моим. Мне казалось, что благодаря этой кружке я смогу легче перенести тоску по дому, – а я думала, что она обязательно меня настигнет. Я хорошо знала, что это такое. Бывало, на меня наваливалась невыносимая грусть, даже дома такое случалось. Наверное, странно называть это тоской по дому, когда ты и так находишься дома, но я не знаю, как еще объяснить это сильное чувство одиночества, сковывающее тебя

изнутри. Откуда и почему оно приходит? Навалится ли на меня снова у бабушки? Ответов на эти вопросы я не знала, но на всякий случай лучше было как следует подготовиться.

Машина пересекла крутой горный перевал и выехала на проселочную дорогу. Вскоре по правую сторону показалась бамбуковая роща, сквозь которую еле-еле пробивался свет, а еще чуть поодаль виднелся пришедший в запустение дом. Со двора доносился звонкий лай собак. Мама сбавила скорость и свернула на тропинку слева. Дорога была такой узкой, что «Мини» едва на ней помещался. С обеих сторон нависали, создавая настоящий зеленый туннель, листья кленов.

Машина резко повернула, будто рисуя угол, и остановилась у старого каменного столба, похожего на развалины древних ворот, размером чуть выше моего роста. Отсюда начинался сад дома бабушки. Посреди сада возвышался огромный дуб, а вокруг плелись тропинки, мелкие цветочки, небольшие кусты и деревья. Бабушка как раз выходила из дома, когда я открыла дверь и выпрыгнула из машины. Большие, темные, почти черного цвета глаза. Темно-каштановые, уже наполовину поседевшие волосы небрежно собраны сзади. Крупная, крепкая фигура.

С мягкой улыбкой на лице бабушка наблюдала, как мы выходим из машины. Мама подошла к бабушке и, положив правую руку ей на плечо, а левой приобняв за талию, по очереди поцеловала ее в обе щеки, затем обернулась и посмотрела на меня.

– Бабушка, давно не виделись, – сказала я, подходя ближе.

– Приехали, значит, – ответила бабушка на беглом японском и, словно обнимая, погладила меня по щекам ладонями.

Мы обогнули дом по саду и вошли в кухню через заднюю дверь. Дверь была со стеклянными вставками, а за ней находилась небольшая застекленная веранда, размером примерно в один татами¹. Чтобы попасть на кухню, нужно было открыть еще одну дверь. Хотя эта комната и называлась кухней, больше напоминала выложенную плиткой хозяйственную пристройку, куда можно было заходить прямо в обуви.

У окна, обращенного на задний двор, стояли обеденный стол и стулья. Мы сели пить заваренный бабушкой чай и угощались печеньем из жестяной банки. Мама говорила о безобидных посторонних вещах: о том, как изменился городок по дороге сюда, как папа, похоже, неплохо устроился на новом месте, как густо разросся бабушкин сад. Иными словами, о том, что ко мне не имело никакого отношения. На заднем дворе у бабушки росли зелень и травы, которые можно было сорвать прямо во время готовки, едва выйдя из кухни: лук-порей, петрушка, шалфей, мята, фенхель, лавр. Я рассеянно смотрела на улицу и думала, что залитый солнцем сад действительно живой и красивый, но до главного разговор так еще и не дошел.

Я встала и вышла в маленькую застекленную веранду между двумя дверями. Это было странное пространство – не совсем снаружи, но еще и не внутри. Вдоль стеклянных стен тянулись узкие деревянные полки, на них стояли маленькие горшки, садовые ножницы, лейка. Внизу полок не было, и стекло там за долгие годы сильно загрязнилось от брызг земли и воды. К тому же между кирпичами – на полу, по углам – пробивались сорняки.

Мама в соседней комнате понизила голос. Ну вот, сейчас опять будет рассказывать про «трудного ребенка». Только разобрать, о чем именно она говорит, я отсюда не могла.

Я присела на корточки и принялась разглядывать сорняк. На нем был крошечный голубой цветок, как будто кто-то сделал незабудку совсем маленькой.

Вдруг раздался сильный голос бабушки:

– Конечно, я буду рада жить вместе с Май. Я всегда благодарила судьбу за то, что на свет появилась такая девочка, как Май.

---

¹ Татами (дзё) – японская мера площади; 1 татами ≈ 1,62 кв. м. *Здесь и далее примечания переводчика.*

Я закрыла глаза. Медленно вдохнула и снова открыла их. До чего же прелестный этот маленький голубой цветок. Казалось, он весь светится. Я осторожно накрыла его ладонями, словно хотела защитить.

– Май! – позвала мама.

От неожиданности я вскочила, будто меня подбросило, и отозвалась.

Когда я вернулась на кухню, мама улыбалась.

– Давай сделаем сэндвичи. Сходи в огород и принеси салат и настурцию.

– Хорошо! – весело ответила я и выбежала в сад.

Огород начинался за лавровым деревом. Как только я шагнула за него, то почувствовала, что ноги утопают в мягкой влажной земле, которая вся заросла сорняками. Трава, покрытая росой, намочила мне ноги до самых колен. Салат был таким пышным, что я сорвала только середину кочана, из которого вдруг шлепнулся жирный слизень, – меня передернуло. Я поспешила назад, по пути сорвав несколько листьев настурции, густо разросшейся у корней лавра, и вернулась на кухню.

Мама намазывала маслом тонко нарезанный хлеб. Бабушка готовила яичницу-болтунью. По всей комнате разливался аппетитный запах масла и яиц.

– Этого хватит? – спросила я не то у мамы, не то у бабушки.

– Да, – одновременно ответили обе и невольно переглянулись.

Мама, словно уступая бабушке право распоряжаться, слегка пожала плечами и улыбнулась.

– Вымой это и оставь в дуршлагае, – медленно сказала бабушка с таким видом, будто привыкла отдавать команды.

– Сколько листьев салата?

– Три-четыре листочка сойдет.

Я отделила три с половиной листа салата, промыла их вместе с настурцией и оставила в дуршлагае, чтобы стекла вода.

Подойдя ко мне, бабушка сказала:

– Спасибо.

Она брала листья салата по одному, складывала их на ладонь и, расправляя, несколькими легкими хлопками стряхивала с них воду. Потом, разорвав листья на куски подходящего размера, накрыла ими уже подготовленный мамой хлеб. После достала из холодильника ветчину, положила по ломтику сверху, а затем добавила листья настурции. На оставшиеся ломтики хлеба бабушка выложила где-то листья салата и посыпала их солью, где-то – только яичную начинку, после чего накрыла все вторыми ломтиками. Переложив сэндвичи на доску и не срезая корок, она небрежно поделила каждый на три части.

Тем временем мама налила кипяток из чайника в заварник и поставила настаиваться чай.

– Май, достань с полки тарелки, – сказала бабушка.

Я показала на большие круглые плоские тарелки:

– Эти подойдут?

– Да. Это обеденные тарелки.

Я выставила три тарелки на кухонную стойку. Бабушка стала раскладывать на них готовые сэндвичи – один, второй, третий, – а потом достала из нижнего ящика скатерть и расстелила ее на столе.

– Май, принеси, пожалуйста, чашки.

– А Май, между прочим, привезла свою чашку, – сказала мама, взглянув в мою сторону. –

Кстати, вещи так и остались в машине. Май, сходи принеси.

– Мне что, все самой тащить?

– Там всего одна дорожная сумка и коробка. В машине есть тележка, так что за раз справишься.

– Ладно, – вздохнула я и вышла из кухни.

Направляясь к машине, припаркованной перед домом, я увидела незнакомого мужчину, который с любопытством заглядывал в салон. Он был черный, как тень в разгар самого жаркого летнего дня. Толстый, рыхлый, какой-то бесформенный, и только глаза у него странно блестели. Я невольно попятилась, но вспомнила, что вещи из машины все равно нужно забрать. Мужчина тоже заметил меня и смущенно отвел взгляд.

По салону были разбросаны пакеты из-под сладостей и банки из-под сока – все, чем мы перекусывали в дороге. Меня так разозлила его бесцеремонность, что я сухо сказала:

– Здравствуйте.

Мужчина уставился на меня, пробормотал себе под нос что-то вроде «угу» или «хм», а потом вдруг гаркнул:

– Ты чья будешь?

Я вздрогнула от неожиданности, но все же ответила:

– Это дом моей бабушки.

Он еще раз окинул меня взглядом с головы до ног и спросил все так же громко:

– В гости приехала?

Я на секунду замаялась.

– Поживу тут какое-то время, – сказала я и тихо добавила: – Я болею.

– Ишь ты, хорошо устроилась, – бросил он с такой интонацией, будто плюнул, и вышел за ворота.

От злости у меня все внутри закипело. Даже когда я открывала багажник, руки дрожали так, что я не сразу смогла взяться за дело. Почему он вообще так со мной разговаривал? Какое он имеет право? Явился без спроса в чужой двор и еще орет: «Ты чья будешь?» Что это вообще такое? И чего он так важничает?

Я вытащила из багажника тележку, с лязгом разложила ее, поставила сверху картонную коробку, а на нее закинула дорожную сумку. От моего недавнего хорошего настроения не осталось и следа. Я даже забыла закрепить сумку ремнем и толкала тележку так небрежно, что сумка несколько раз свалилась.

Когда я наконец добралась до кухни, бабушка с мамой уже сидели за столом и ждали меня. С трудом сдерживая слезы, я рассказала о том, что произошло.

Мама растерянно посмотрела на бабушку:

– Какой ужас. Кто это был?

Бабушка велела мне садиться за стол и сказала:

– Наверное, это Гэндзи-сан. Собака залаяла, он увидел, что к дому подъехала незнакомая машина, и, должно быть, пришел проверить, все ли в порядке.

– Гэндзи-сан? Ах вот оно что... Значит, он вернулся, – нахмурилась мама.

Она открыла дорожную сумку, достала мою кружку и, сполоснув ее под краном, принесла к столу. Хотя сумка столько раз падала, кружка оказалась цела.

– Кто он такой? Где он живет? – все еще взволнованно расспрашивала я.

– Гэндзи-сан живет в доме через дорогу. Иногда я прошу его помочь в саду или сходить за покупками.

Бабушка налила в мою кружку немного молока, добавила чаю и поставила ее передо мной.

– Чудесная кружка. У тебя хороший вкус, Май.

Я тяжело вздохнула и отпила. Чай был крепкий, душистый и очень вкусный.

По тому, как бабушка говорила о том человеке, мне показалось, будто она в каком-то смысле его оправдывает, и от этого мне стало не по себе. Но чай меня немного успокоил.

– Дом через дорогу – это там, где лаяли собаки, да? Когда я приезжала в прошлый раз, собак там, кажется, не было...

– Гэндзи-сан все это время жил в городе, а некоторое время назад вернулся. У него умер отец.

Мама повернулась к бабушке и тихо спросила:

– Значит, он все-таки развелся?

Бабушка потянулась за сэндвичем.

– Точно не знаю. Но сейчас он, похоже, живет один.

Я тоже взяла сэндвич и сразу вынула из него листья настурции. Мне не нравился их привкус – что-то среднее между васаби и горчицей: острый, немного едкий. Мама заметила, что я их вытащила, но ничего не сказала.

– И часто он приходит? – спросила я уже почти спокойным голосом, откусывая сэндвич.

– Не так уж часто. Лучше скажи, какую комнату ты хочешь. Одну из двух наверху.

Разговор так резко свернул в другую сторону, что я растерялась. К тому же я по глупости до сих пор совсем не думала о том, в какой комнате хочу жить. На первом этаже дома, со стороны палисадника, были гостиная и кладовка. Посередине – бабушкина комната. А со стороны заднего двора – кухня.

Второй этаж, который мы называли «под крышей», состоял из двух комнат. Одна, с окнами на палисадник, раньше служила дедушкиной кладовой. Дедушка любил минералы, и там до сих пор все было завалено самыми разными камнями. Другая, с окнами на задний двор, когда-то была маминной.

И тут мне вдруг пришло в голову, что из окна дедушкиной комнаты я могу снова увидеть того странного мужчину. Поэтому от греха подальше я решила выбрать мамину.

– Я буду жить в маминной комнате.

Мама сразу улыбнулась:

– Я ведь уже сто лет туда не заходила. Там все по-прежнему?

– По-прежнему, – ответила бабушка.

– Тогда я поднимусь посмотрю. Наверное, там еще и прибраться надо.

С этими словами мама поспешно удалилась. Бабушка усмехнулась и лукаво покосилась на меня.

– Мама пошла прятать вещи, которые не хочет тебе показывать.

– Что? – удивилась я. – Интересно, что там такое. Я бы посмотрела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.